

Примечание переводчика.

Дословно глава переводится "Король перечисления/перечня". Но в самой главе Толстяк составляет не перечень, а опорную схему-карту.

Толстяк нашел на столе листок бумаги, ручку и начал рисовать. Глядя на это, я понял, что он снова использует свой любимый метод упорядочивания.

Толстяк, рисуя схему, пояснял: "Прежде всего нам надо выяснить, куда ушли люди. Этот храм находится в труднодоступном месте, на полпути к вершине горы. Позади него — эта гора, перед ним — единственная дорога, ведущая на гору. И храм этот очень большой".

Нарисовав план храма, Толстяк спросил, похоже ли получилось, и я исправил несколько деталей.

Тогда он продолжил: "Итак, во-первых, я могу быть уверен, что они не спускались с горы. Разве что умеют далеко прыгать или летать. Но я не думаю, что здесь есть дураки, которые станут прыгать с крутого склона. Во-вторых, посторонние принесли сюда много снаряжения, а у лам есть личные вещи. Если предположить, что нас хотели обмануть, изображая внезапное исчезновение, они бы не стали гасить огни. Логичнее было оставить освещение, чтобы мы не поняли сразу, что происходит. Но все огни погашены, значит, это не розыгрыш. Похоже, им было наплевать, что об их уходе подумают другие, верно?"

Я кивнул.

Толстяк продолжил: "С горы они не спускались. И ты считаешь, что в горы уйти отсюда невозможно. Значит, у них был третий путь, о котором мы ничего не знаем".

Его рассуждения звучали вполне логично.

И я снова кивнул.

Толстяк нарисовал на бумаге большой круг за пределами плана храма: "Здесь находится какая-то тайна, о которой мы тоже ничего не знаем. Но каким-то образом, это место имеет связь с внешним миром. Думаю, с этой тайной не все так просто, мне кажется, за всем этим скрывается какое-то зло. Этот храм, наверно, является чем-то вроде перевалочного пункта между этим загадочным местом и внешним миром. А если так, то люди, построившие его, предусмотрели необходимость ухода в горы. Значит, здесь должны быть тайные проходы или секретные комнаты".

Подумав, я решил, что и в этих его словах есть смысл.

Планировка этого храма очень сложная, много комнат, запутанные коридоры, переходы и дворики. Даже те, кто давно живет в храме, никогда не бывали в некоторых его отдаленных частях. Более того, архитектурный дизайн храма идеально вписывается в местный ландшафт, значит, построен в полном соответствии с законами фэн-шуй.

Я отлично разбираюсь в архитектуре. Но с самого начала мне казалось, что проект этого храма слишком сложен для моего понимания. Поэтому добавить к сказанному ничего не решился.

Толстяк продолжил: "Давай посмотрим, сможем ли мы с помощью простой схемы найти секретный проход, по которому ушли люди".

На плане он отметил келью старшего ламы, комнаты, где жили люди клана Чжан и немцы, а также другие жилые комнаты, отведенные для незнакомых нам посетителей.

"Смотри внимательно. Скорее всего, им надо было вернуться в свои комнаты за снаряжением и личными вещами, — Толстяк провел линию, рисуя их маршрут. — Ламы живут здесь и здесь. Не знаю, на месте ли сейчас их личные вещи, но мы можем сходить и проверить. Если там ничего нет, значит, и ламы возвращались в келью. Другими словами, за короткое время Чжаны должны были разобраться и, возможно, договориться с немцами, вернуться в комнаты, собрать свое снаряжение и уйти. Если тайный проход за пределы храма расположен далеко, они не могли все успеть. Значит, он находится где-то рядом. Можно провести эксперимент. Побегает по храму, засекая время, сравним с периодом, в течение которого мы отсутствовали. Если какой-то маршрут совпадает по времени с тем, сколько мы провели в ловушке, значит, там и есть тайный проход".

Я устался на Толстяка. И раньше замечал, что он иногда мыслит четко и конкретно. Не знаю, сколько раз меня его выводы приводили в восторг. Но спустя столько времени, кажется, он стал рассуждать еще более логично.

Но когда он произнес слово "ловушка", у меня вдруг бешено забилося сердце.

Я перевел взгляд на ламу, распростертого на полу, и подумал, может, так и есть. Я сказал Толстяку: "Этот лама держал нас на прицеле. Но чем все закончилось? Он так и не убил нас. Однако, из-за него мы потратили уйму времени. Может быть..."

Толстяк тут же перебил меня: "Такая мысль и мне приходила в голову. Но это невозможно, — он потрогал шрам на виске. — Видишь ли, намеренно выстрелить так, чтобы лишь оцарапать голову, очень трудно. Скорее это случайный промах".

Тогда я предположил: "Может быть, ему важно было задержать только меня. Не убить, а именно задержать. А ты для него не был важен".

Толстяк немного подумал: "Логично". Он посмотрел на ламу, все еще пребывавшего в обмороке, и плюнул: "Бля, даже ламы Толстяка за человека не считают!"

"У меня тут мысль возникла, — сказал я. — Позволь, я объясню. На самом деле есть ситуация, похожая на ту, в которой мы оказались. Приведу пример. Представь римский Колизей в древние времена. В клетке сидят тигр и лев. Тигр очень силен, а лев еще сильнее. Клетку со зверями вынесли на арену, затем туда выпустили гладиаторов. Служители Колизея тоже еще на арене. Что будет, если в этот момент открыть клетку?"

Толстяк долго молчал, а потом спросил: "Не понял. Ты имеешь в виду, что они - служащие Колизея, а мы... мы с тобой тигр и лев?"

Я ответил: "Нет, мы с тобой гладиаторы. Перед тем, как выпустить льва и тигра, служащие должны покинуть арену, — я задумчиво посмотрел в окно. — В этом храме гладиаторы пока в непонятках, что происходит, служащие все смылись. Возможно, за нами сейчас наблюдают тигр и лев, но из такого места, о котором мы не знаем".

На самом деле, в моем предположении множество недочетов. Такая ситуация сейчас нелогична. Если судить по обособленности клана Чжан, сложностям с переводом у немцев и

святости старшего ламы, им троим сложно договориться. Слишком мало времени прошло для того, чтобы достичь какого-то консенсуса.

Может, дело было так. Клан Чжан и немцы вели переговоры, в этот момент вбежал старший лама и крикнул: "Бегите, здесь кое-что должно произойти". И все быстренько собрали вещички и свалили.

Стоп! Тогда, может быть, этого ламу послали, чтобы предупредить нас. Но он почему-то принял нас с Толстяком за льва и тигра, потому и стал стрелять.

Я сел поудобнее и мысленно обратился к Будде Амитабхе. Получается, этот человек защищался. Кажется, это все объясняет. Ведь маскировать пистолет под снайперскую винтовку — это нелогичный бред. Скорее всего, этот лама — не профессиональный стрелок, он просто боялся за свою жизнь, потому и делал все наперекосяк.

Я бросился к нему, мысленно повторяя: "Наставник, глупый мирянин был слишком эгоистичен, я не нарочно".

В этот раз я заботился о нем старательно. Толстяк даже заявил, что мое чувство вины слишком гипертрофировано. Когда я обмывал теплой водой лицо ламы, он вдруг дважды закашлялся и свернулся калачиком. Я помог ему сесть, он медленно приходил в себя и, наконец, открыл глаза, но какое-то время не понимал, что происходит.

Мы оба наклонились к нему, и Толстяк слегка похлопал его по щеке, говоря: "Эй, мужик, думаешь, можно не уважать господина Толстяка?"

Увидев его, мужчина нервно перевел взгляд на меня, резко переменялся в лице и вскочил. Но, видимо, я все-таки сильно приложил его. Лама сразу упал навзничь и начал плевать.

Когда ему полегчало, я снова усадил его поудобнее. Глядя то на меня, то на Толстяка, он спросил: "Который сейчас час?" Он неплохо говорил по-китайски.

Я посмотрел на часы и ответил, что скоро рассвет. Он побледнел и засуетился, пытаясь встать: "Все кончено, это конец, я умру".

Я хотел расспросить его, в чем дело, но он не дал слова мне сказать: "Поторопись, не время болтать. Закройте все двери и окна. Скорее... скорее... скорее!"

Голос этого человека и выражение его лица говорили о том, что он не разыгрывает нас, его страх был настоящим, поэтому мы с Толстяком немедленно выполнили его просьбу и закрыли все двери и окна.

В тот момент мы даже не думали анализировать его поведение. Много пережив, мы оба знаем, что сильные эмоции сложно подделать, страх — это инстинкт. В принципе, по выражению лица я интуитивно понимаю, лукавит человек или на самом деле боится.

Хотя с младшим братом такое не прокатывает, по его лицу не узнать, что у него в душе. Но таких, как он, в мире единицы.

Прежде чем закрыть окна, я выглянул наружу, но ничего не увидел, все, как и несколько часов назад. Теперь келья освещалась только масляными светильниками, и вокруг царила таинственная атмосфера.

Покончив с окнами и дверями, Толстяк подошел к ламе: "Не вздумай шутить с нами. Я ничего не имею против тебя, но если ты нас обманешь, а я об этом узнаю, то тебе это с рук не сойдет".

Лама ответил: "Внешнее спокойствие в храме сейчас — это обман. Самое позднее через полчаса вы поймете, что ситуация может быть даже серьезнее, чем я предполагаю. Хотя, у вас есть шанс выжить, если будете слушаться меня".

Мы с Толстяком переглянулись. У них тут злобные призраки водятся, что ли? Каждый год в определенный день они выходят на охоту на рассвете. Что может быть столь могущественным, если его даже ламы боятся?

Мужчина ответил: "Даже демоны — ничто по сравнению с этим".

Мы с Толстяком снова переглянулись, ничегошеньки не понимая. А мужчина стал снимать с себя одеяние ламы. Я заметил, что его тело хорошо натренировано, мышцы четкой формы и сильные, словно отлиты из стали. Очевидно, его молитвы часто чередуются с боевыми искусствами. Раздевшись до пояса, он сказал: "Сначала снимайте свои рубашки".

<http://tl.rulate.ru/book/89763/3360660>